УДК 347.132.6

DOI: 10.17223/22253513/28/11

В.А. Гончарова

НАРУШЕНИЕ ПРАВ И ОХРАНЯЕМЫХ ЗАКОНОМ ИНТЕРЕСОВ КАК УСЛОВИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВА НА ЗАЩИТУ УЧАСТНИКОВ ОСПОРИМОЙ СДЕЛКИ

Статья посвящена определению понятия нарушения прав и охраняемых законом интересов участников оспоримой сделки как условия признания ее недействительной и (или) применения последствий ее недействительности. На основе природы оспоримых сделок делается вывод о неприменимости классического подхода в определении понятия нарушения прав и охраняемых законом интересов к трактовке нарушения как условия оспаривания сделки и необходимости его формулирования с опорой на экономический анализ права.

Ключевые слова: оспоримые сделки, недействительность сделок, нарушение субъективного гражданского права, охраняемый законом интерес, защита гражданских прав.

Согласно абз. 2, 3 п. 2 ст. 166 Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ) оспоримая сделка может быть признана недействительной, если она нарушает права или охраняемые законом интересы лица, оспаривающего сделку, в том числе повлекла неблагоприятные для него последствия. В случаях, когда в соответствии с законом сделка оспаривается в интересах третьих лиц, она может быть признана недействительной, если нарушает права или охраняемые законом интересы таких третьих лиц.

Введение условия оспаривания сделки в виде нарушения прав или охраняемых законом интересов явилось результатом крупномасштабного реформирования гражданского законодательства в 2013 г. Ранее, до внесения указанных изменений, для признания сделки недействительной, исходя из буквального смысла прежней редакции ст. 166 ГК РФ, необходимы и достаточны были лишь наличие доказанного основания недействительности как порока в ее структуре и относимость заявителя соответствующих требований к кругу управомоченных законом лиц. Подобная правовая регламентация, как отмечается в юридической литературе [1. С. 54], служила причиной распространенной порочной практики неограниченного оспаривания сделок лишь по формальным основаниям, что, безусловно, не шло на пользу отечественному товарообороту.

Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса РФ (далее Концепция совершенствования гражданского законодательства) содержала указания на меры, по мнению разработчиков, способные поставить точку в бесконтрольном аннулировании сделок. В общем виде данные меры нашли отражение и в Концепции развития гражданского за-

конодательства, одобренной Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г. [2. С. 20]. Так, в п. 1.7 § 1 Раздела V Концепции совершенствования гражданского законодательства, посвященного общим положениям о недействительности сделок и их современном состоянии и оценке, со ссылками на п. 1 ст. 3. п. 1 ст. 11. пп. 4 п. 2 ст. 131 ГПК РФ. п. 1 ст. 4 АПК РФ. дается пояснение о том, что под лицом, управомоченным заявлять о недействительности сделки, следует понимать только того субъекта гражданского оборота, чьи права и охраняемые законом интересы нарушены вследствие совершения недействительной сделки. Наличие лишь формальных оснований для признания сделки недействительной не может приводить к признанию ее недействительной судом, если лицо, заявившее соответствующее требование, не доказало, в чем состоит нарушение его прав и законных интересов [3. С. 53]. Ниже, в п. 1.9 того же параграфа, отмечается, что заявление по существу преобразовательных исковых требований не может рассматриваться автономно от требования о применении последствий недействительности, поскольку именно в применении последних состоит основная цель признания сделки недействительной как способа судебной защиты гражданских прав [Там же. С. 54].

Продолжение указанные идеи получили в Пояснительной записке «К проекту Федерального закона "О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую ГК РФ, а также в отдельные законодательные акты РФ", где отмечается, что изменения, вносимые в ст. 166 ГК РФ в части установления факта реального нарушения оспариваемой сделкой прав и охраняемых законом интересов лиц, обращающихся за признанием такой сделки недействительной, преследуют цель «ограничения весьма многочисленных случаев безосновательного оспаривания сделок по формальным основаниям» [4].

Несмотря, на первый взгляд, на упрочнение договорных связей введенными правоположениями, очевидно появление ряда трудностей в их правильном и адекватном толковании и применении, о чем с очевидностью свидетельствует, в том числе, и судебная практика.

Так, в ряде судебных решений содержатся формулировки, не находящие отражения в тексте ст. 166 ГК РФ. Как видно из анализа последней, законодатель в качестве условий признания оспоримой сделки недействительной рассматривает не что иное, как **нарушение** такой сделкой прав и охраняемых законом интересов. Судебные органы в обоснование своей позиции о признании сделки недействительной со ссылкой на ст. 166 ГК РФ используют, однако, помимо собственно термина «нарушение», выражения:

— «заинтересованное в признании сделки недействительной лицо... права которого будут восстановлены в случае приведения сторон сделки в первоначальное положение» (Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.12.2016 № 12АП-12038/2016 по делу № А12-45512/2016);

- «собственный правовой интерес (юридическая заинтересованность), достойный правовой защиты... признаваемый за участниками сделки, либо за лицами, чьи права или охраняемые законом интересы прямо нарушены оспариваемой сделкой, которые будут восстановлены в результате приведения сторон сделки в первоначальное фактическое положение (ст. 12 ГК РФ)» (Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13.10.2016 № 9АП-31550/2016 по делу № А40-3038/16, Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 09.09.2016 № 02АП-7585/2016 по делу № А82-3353/2016, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 02.02.2016 № 09АП-59450/2015-АК по делу № А40-128932/2015);
- «обусловленность защиты законного имущественного интереса признанием сделки недействительной» (Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18.08.2016 № Ф08-5440/2016 по делу № А32-38727/2015, Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 24.02.2016 № Ф08-10414/2015 по делу № А32-12472/2014);
- «материально-правовой интерес в признании сделки недействительной» (Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 20.07.2016 № 05АП-4130/2016 по делу № А51-28403/2015, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.03.2016 № Ф05-2105/2016 по делу № А40-161397/2013);
- «экономический интерес в отношении объекта и (или) участников сделки» (Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 09.02.2016 № 02АП-10619/2015 по делу № A28-6808/2015).

В этой связи закономерно встает вопрос о корректности судебной правоприменительной подмены терминов, о содержании используемого законодателем в рамках ст. 166 ГК РФ понятия «нарушение прав и охраняемых законом интересов» и последствиях его введения в рамках общего учения о недействительности сделок в отечественной цивилистической доктрине.

Важно заметить, что речь в ст. 166 ГК РФ идет о двух различных элементах правового статуса участников гражданских правоотношений, объектах правовой защиты: о субъективных гражданских правах и охраняемых законом интересах (законных интересах)¹.

Субъективное гражданское право представляет собой ключевой элемент содержания определенного — относительного (предполагающего в качестве обязанного лица строго определенного субъекта или субъектов) или абсолютного (где обязанным не нарушать субъективное право выступает неопределенный круг лиц) — гражданского правоотношения; это принадлежащая управомоченному в целях удовлетворения его интересов мера дозволенного поведения, обеспеченная юридическими обязанностями других лиц [5. С. 356].

.

¹ Иногда в теории права данные понятия рассматриваются как нетождественные, для чего, думается, нет серьезных оснований: анализ законодательных актов, где данный термин находит отражение, свидетельствует об одинаковом подходе законодателя в вопросе определения содержания охраняемых законом интересов и законных интересов.

С позиции общей теории права нарушение субъективного права — это создание препятствий в его осуществлении, правовая аномалия в динамике регулятивного правоотношения, влекущая возникновение новой — охранительной — правовой связи, в рамках которой управомоченное потерпевшее лицо защищает свои нарушенные права с использованием определенных правовых средств. Традиционно в теории права нарушение субъективного права выступает одним из **последствий** правонарушения — противоправного, виновного и вредоносного деяния.

Именно в таком понимании нарушение субъективных прав рассматривается применительно к типичным гражданско-правовым охранительным обязательствам: из причинения вреда, неосновательного обогащения, неисполнения или ненадлежащего исполнения договорных обязанностей. Виновное, противоправное неисполнение обязанными субъектами возложенных на них нормативно-правовым актом или договором обязанностей в рамках правоотношений абсолютного или относительного типа в указанных случаях влечет нарушение субъективных прав в виде умаления имущественной сферы их обладателей.

Охраняемый законом интерес (законный интерес) представляет собой опосредованную юридическими средствами и механизмами возможность, данную в равной степени каждому правоспособному субъекту отношений для осуществления законных способов удовлетворения своих потребностей, которая, однако, прямо не закреплена в субъективных правах [6. С. 108]. По верному утверждению А.В. Малько, законный интерес составляет простая правовая дозволенность, имеющая характер стремления, в которой отсутствует указание действовать строго зафиксированным в законе способом и требовать соответствующего поведения от других лиц и которая не обеспечена конкретной юридической обязанностью [7. С. 254]. Подобный подход к пониманию охраняемого законом интереса ставит под сомнение формулировку ст. 166 ГК РФ, содержащей указание на необходимость исключительно нарушения такого интереса как условия оспаривания сделки. С учетом изложенного о понятии и признаках законного интереса как стремления очевидна невозможность его нарушения. В этой связи более обоснованным является понимание нарушения применительно к интересам как «создания препятствий в их осуществлении и реализации», а не как виновного и противоправного деяния.

Совершение оспоримой сделки, нарушающей субъективные права и охраняемые законом интересы ее участников (к которым, исходя из толкования ст. 166 ГК РФ, можно отнести ее стороны, иные лица, указанные в законе, и третьи лица), не является вопреки существующему в литературе мнению [8. С. 39] противоправным и виновным деянием – правонарушением, а лишь не соответствует требованиям закона с точки зрения необходимых условий действительности, не нарушая при этом императивных правовых предписаний. Совершение действительной сделки – по смыслу законодательного регулирования – не обязанность участников гражданского оборота, а их право, последствием ненадлежащей реализации которого

выступает отрицание за такими, дефектными в части условий, сделками планируемых сторонами юридических последствий. Недействительность и неправомерность, по справедливому утверждению О.В. Гутникова, представляют собой две различные, лишь частично пересекающиеся характеристики юридических фактов [9. С. 63].

Оспоримую сделку, таким образом, нельзя квалифицировать в качестве виновного, противоправного деяния в связи с наличием в ее структуре дефекта, что при этом не исключает ее вредоносности, понимаемой, однако, не как причинение ею прямого имущественного вреда, а как создание правовой неопределенности, порожденной дефектом в структуре сделки, в динамике гражданских правоотношений (в связи с совершением такой сделки) и в принадлежности имущества тем или иным лицам (в связи с ее совершением и исполнением). Подобная трактовка нарушения связана с природой отношений из оспоримой сделки: до момента оспаривания такие правоотношения являются регулятивными и не могут в этой связи приводить к реальному нарушению прав и законных интересов.

Обоснованию указанного — широкого — понимания нарушения прав и законных интересов участников оспоримой сделки служит разработанное экономикой права понятие недействительной сделки как акта товарообмена, не подлежащего правовой защите [10–14]. Такие сделки не способствуют повышению общественной эффективности — критерию оценки общественных явлений, введенному Вильфредо Парето, поскольку не имеют в качестве сторон рационально действующих и достаточно прочиформированных, равноправных субъектов, а также наносят вред благосостоянию третьих лиц. С рассмотренных позиций закрепление модели недействительных сделок, ее оснований и правовых последствий отвечает целям ограждения участников гражданских правоотношений от дефектных юридических фактов, защиты их прав и охраняемых законом интересов.

Сделка, не признанная недействительной, однако имеющая дефект в своем составе, нарушает права и законные интересы участников гражданского оборота самим своим существованием, внося неопределенность в динамику гражданских правоотношений, в принадлежность имущества конкретным лицам, тем самым создавая ситуацию нестабильности договорной практики сторон. Те лица, в порядок осуществления абсолютных или относительных прав и законных интересов которых такая оспоримая сделка вносит неопределенность, могут требовать ее аннулирования.

Нарушение субъективных прав и охраняемых законом интересов в случае совершения и (или) исполнения оспоримой сделки в этой связи может рассматриваться в качестве возникающей в результате совершения и (или) исполнения такой сделки правовой неопределенности в динамике гражданских правоотношений и принадлежности имущества, негативно влия-

-

¹ Исключением в этом случае являются только те оспоримые сделки, которые совершены в нарушение требований нормативно-правовых актов (ст. 168 ГК РФ) и которые, соответственно, могут квалифицироваться как правонарушения.

ющей на имущественную сферу тех или иных субъектов гражданского оборота в форме создания для них препятствий в осуществлении их прав и законных интересов, преодолеть которые возможно лишь путем признания оспоримой сделки недействительной и (или) применения последствий ее недействительности. Доказанность такого негативного влияния выступает необходимым условием удовлетворения исковых требований таких лиц о признании сделки недействительной и (или) применении последствий ее недействительности. Подобное нарушение может быть как формальным, когда оно не привело к наступлению негативных последствий, так и материальным, когда такие последствия наступили. Нарушение субъективных прав может выражаться в совершении и совершении и (или) исполнении оспоримой сделки.

Нарушение охраняемого законом интереса, как и нарушение прав, в ситуации оспоримости сделки состоит в создании правовой неопределенности в порядке его осуществления тем или иным участником гражданского оборота. В целом думается, что столь широкое определение объектов правовой защиты при совершении и (или) исполнении оспоримой сделки преследует цель максимально широко определить сферу возможного негативного влияния оспоримой сделки на участников гражданского оборота, тем самым всесторонне защитив их имущественную сферу.

Возникновение в имущественной сфере хотя бы одного из субъектов гражданского права такой правовой неопределенности, порожденной совершением и (или) исполнением оспоримой сделки, иными словами – правовой аномалии, влечет формирование особой разновидности охранительного правоотношения — правоотношения по защите прав и охраняемых законом интересов таких субъектов. По аналогии с иными видами охранительных правоотношений нарушителем в таком правоотношении будут выступать обе стороны при заявлении соответствующих требований иными лицами или в интересах третьих лиц. В случае заявления соответствующих требований стороной сделки фигура нарушителя представлена контрагентом такой стороны по сделке.

Нарушение прав и охраняемых законом интересов с учетом изложенного в рамках отечественной правовой традиции выступает не чем иным, как инструментом сдерживания бесконечного оспаривания сделок по формальному основанию наличия дефекта воли, волеизъявления, формы, содержания.

Литература

- 1, Дерхо Д.С. Недействительность сделок. Некоторые вопросы теории и практики // Судья. 2017. № 9. С. 54–56.
- 2. *Концепция* развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11. С. 6–100.
- 3. Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 4. С. 9–101.

- 4. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую ГК РФ, а также в отдельные законодательные акты РФ» // КонсультантПлюс: Справ.-правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2018. Доступ из локальной сети Науч. 6-ки Том. гос. ун-та.
- 5. *Алексеев С.С.* Общая теория права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. 576 с.
 - Субочев В.В. Законные интересы / под ред. А.В. Малько. М.: Норма, 2008. 496 с.
- 7. Общая теория государства и права: академический курс: в 3 т. Т. 3: Государство, право, общество / отв. ред. Н.Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2010. 712 с. (автор главы Малько А.В.).
- 8. Голобородкина Е.В. Совершение оспоримой сделки как гражданское правонарушение : дис. . . . канд. юрид. наук. Уфа, 2014. 169 с.
- 9. Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве (теория и практика оспаривания). 3-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2007. 491 с.
- 10. *Познер Р.* Экономический анализ права: в 2 т. / под ред.; пер. с англ. В.Л. Тамбовцева. СПб. : Экономическая школа, 2004. Т. 1. 544 с.
- 11. Kovac M. Comparative Contract Law and Economics. Edward Elgar Publishing, Inc., 2011. 392 p.
- 12. Mackaay E. Law and Economics for Civil Law Systems. Edward Elgar Publishing, Inc., 2013. 549 p.
 - 13. Miceli T. Economics of the Law. Oxford University Press, 1997. 247 p.
- 14. Polinsky M., Shavell S. Handbook of Law and Economics. 1st ed. Vol. 1. North Holland, 2007. 886 p.

Goncharova Valeria A., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

VIOLATION OF RIGHTS AND LEGAL INTERESTS AS A CONDITION OF EMERGENCE OF THE RIGHT FOR PROTECTION OF PARTICIPANTS OF A VOIDABLE BARGAIN

Keywords: voidable bargains, invalidity of bargains, violation of right, legal interest, protection of civil rights.

DOI: 10.17223/22253513/28/11

An important innovation of civil legislation is the fixing of violation of rights and legal interests of the participants of voidable bargain as a condition of rescission of the bargain or (and) application of the consequences of invalidity of bargains. It is noted in program documents of the reform that this condition is aimed at the restriction of a widespread practice of rescission of bargains solely on formal grounds. However, court practice shows the absence of uniform approach in the definition of the violation of rights and legal interests in spite of positive sense of amended law rules. Usually this condition of rescission of the bargain or (and) application of the consequences of invalidity of bargains is interpreted as a definite property, economical or substantive interest in the claim. Such situation is unsatisfactory and inconsistent with neither theoretical nor practical significance of the institute of invalidity of bargains and its role in securing Russian civil commerce.

A possible approach to the definition of the violation of rights and legal interests as a condition of rescission of the bargain or (and) application of the consequences of invalidity of bargains is proposed in this article. Taking into account a common economical nature of invalid bargains as commercial acts unprotected by the state and the essence of voidable bargains which are valid until their rescission, the author comes to conclusion about the need to define the concept of violation in its broad sense. It is proposed to consider the violation of rights and legal interests as a legal uncertainty in the dynamics of civil legal relations and accessory of property that results from the commission and (or) performance of an invalid bargain. Such uncertainty in the sphere in invalidity of bargains must have a negative influence on the sub-

jects of civil commerce creating obstacles in the realization of their rights and legal interests which can be overcome with rescission of the bargain or (and) application of the consequences of invalidity of bargains.

The emergence of this legal uncertainty (legal anomaly) in the sphere of any subject of civil commerce as a results of making or (and) performance of an invalid bargain entails the formation of a protective legal relationship for the protection of the rights and legal interests of such subjects. By analogy with other kinds of guarding legal relationship, the violators in this legal relation are both parties of invalid bargain in the case of the claim from other persons or for the benefit of the third party. In case of claim of one party, another party is considered a violator.

References

- 1. Derkho, D.S. (2017) Nedeystvitel'nost' sdelok. Nekotoryye voprosy teorii i praktiki [Invalidity of transactions. Some questions of theory and practice]. *Sud'ya*. 9. pp. 54–56.
- 2. Russian Federation. (2009) Kontseptsiya razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii (odobrena Sovetom pri Prezidente RF po kodifikatsii i sovershenstvovaniyu grazh-danskogo zakonodatel'stva 7 oktyabrya 2009 g.) [The concept of the development of civil legislation of the Russian Federation (approved by the Council under the President of the Russian Federation on codification and improvement of civil law on October 7, 2009)]. Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF. 11. pp. 6–100.
- 3. Russian Federation. (2009) Kontseptsiya sovershenstvovaniya obshchikh polozheniy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [The concept of improving the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF*. 4. pp. 9–101.
- 4. Russian Federation. (2018) Poyasnitel'naya zapiska "K proyektu Federal'nogo zakona "O vnesenii izmeneniy v chasti pervuyu, vtoruyu, tret'yu i chetvertuyu GK RF, a takzhe v otdel'nyye zakonodatel'nyye akty RF" [Explanatory note "To the Draft Federal Law On Amendments to Parts One, Two, Three, and Four of the Civil Code of the Russian Federation, as well as to certain legislative acts of the Russian Federation]. [Online] Available from: http://base.garant.ru/58024598/.
- 5. Alekseyev, S.S. (2008) *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. 2nd ed. Moscow: TK Velbi, Prospekt.
 - 6. Subochev, V.V. (2008) Zakonnyye interesy [Legitimate Interests]. Moscow: Norma.
- 7. Marchenko, N.N. (ed.) (2010) *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General Theory of State and Law]. Vol. 3. 3rd ed. Moscow: Norma.
- 8. Goloborodkina, E.V. (2014) Soversheniye osporimoy sdelki kak grazhdanskoye pravonaru-sheniye [A disputable transaction as a civil offense]. Law Cand. Diss. Ufa.
- 9. Gutnikov, O.V. (2007) *Nedeystvitel'nyye sdelki v grazhdanskom prave (teoriya i praktika osparivaniya)* [Invalid transactions in civil law (theory and practice of challenging)]. 3rd ed. Moscow: Statut.
- 10. Pozner, R. (2004) *Ekonomicheskiy analiz prava: v 2 t.* [Economic Analysis of Law: In 2 vols]. Vol. 1. Translateed from English by V.L. Tambovtsev. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola.
- 11. Kovac, M. (2011) Comparative Contract Law and Economics. Edward Elgar Publishing, Inc.
- 12. Mackaay, E. (2013) Law and Economics for Civil Law Systems. Edward Elgar Publishing, Inc.
 - 13. Miceli, T. (1997) Economics of the Law. Oxford University Press.
- 14. Polinsky, M. & Shavell, S. (2007) *Handbook of Law and Economics*. Vol. 1. 1st ed. North Holland.